

ИНСТИТУТ

• ОТКРЫТОЕ
ОБЩЕСТВО •

ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА
В РОССИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

В.Г. Белоус

ПЕТРОГРАДСКАЯ
ВОЛЬНАЯ
ФИЛОСОФСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ
(1919-1924) –
АНТИТОТАЛИТАРНЫЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ В
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
СТРАНЕ

ИНСТИТУТ

• ОТКРЫТОЕ
ОБЩЕСТВО •

И С Т О Р И Я И К У Л Ь Т У Р А

В.Г. Белоус

**ПЕТРОГРАДСКАЯ ВОЛЬНАЯ
ФИЛОСОФСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ (1919-1924) –
АНТИТОТАЛИТАРНЫЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ В
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СТРАНЕ**

Издательство Магистр
Москва 1997

УДК [947+957]
ББК 63.3(2)61
Б 43

Б43 В.Г.Белоус. Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919–1924) – антиоталитарный эксперимент в коммунистической стране. – М: ИЧП "Издательство Магистр", 1997. – 40 с.

Описание истории создания Вольной Философской Ассоциации, или Вольфилы сочетается с реконструкцией основных идейных позиций Ассоциации, свидетельствующих об их соотносимости с принципами «открытого общества».

Для широкого круга читателей.

ISBN 5-89317-034-2

© ИЧП "Издательство Магистр", 1997
© В.Г.Белоус, 1997

Содержание

Вольфила и принципы «открытого общества»	4
Академия или Ассоциация?	6
Арест	9
Вольфильская хроника	11
Идейные векторы – I: Революция	14
Идейные векторы – II: Социализм	16
Идейные векторы – III: Преображение	19
Сообщество: «открытое» или «закрытое»?	22
Берлинская Вольфила	25
«Удушение» Вольфилы	28
Примечания	32

Вольфила и принципы «открытого общества»

Год тектонического разлома, 1917-й, утвердил значительную часть русской интеллигенции в отсутствии иных смысложизненных опор и оснований, кроме индивидуального сознания. Обостренно воспринимая обступавшее их одиночество, люди, тем не менее, надеялись, что в интеллектуально открытом сообществе все-таки удастся воплотить те идеалы свободного творчества, которым не суждено было осуществиться в России, где духовность начала сжиматься, словно «шагреновая кожа», с неотвратимой неизбежностью. «Критически мыслящие личности» (выражение П.Лаврова) вопреки обстоятельствам продолжали строительство философских систем, отталкиваясь от «я», как единственно реальной антропологической данности, как своеобразного центра мира, наделенного сознанием и волей.

Вольная Философская Ассоциация, или Вольфила возникла по инициативе группы писателей, художников и деятелей культуры, именовавших себя «скифами»¹: А.Белого², А.Блока³, В.Мейерхольда⁴, К.Петрова-Водкина⁵, Конст. Эрберга⁶, А.Штейнберга⁷ и др. Главным организатором объединения «вольных философов» стал Р.В.Иванов-Разумник⁸. Символистски и народнически ориентированные «скифы» восприняли совершившийся политический и социальный сдвиг, как всеобщий кризис и, вместе с тем, – как знак приближающегося духовного переворота, преобразования, как возможность выйти из литературы в жизнь, напрямую связать смыслотворчество с житнетворчеством. Вольфила была призвана продолжить «крестный путь» русской интеллигенции в осмыслении происходящего, в поисках собственных корней, в стремлении к подлинным духовным вершинам.

По словам председателя ВФА Андрея Белого: «Вольфила – это не программа, даже не мировоззрение; наоборот: предполагает она взаимное противоположение, пересечение и борьбу мировоззрений. Она – импульс к углублению совершившейся (и все еще совершающейся) революции в измерении духа: к духовной революции, которая приведет к освобождению человека на всех путях его духовного творчества и к новому воплощению достижений этого освобожденного творчества, – к новой культуре. В этом смыс-

ле Вольфила стоит под знаком всеобъемлющего кризиса современной культуры и чаяний культуры новой: культуры свободы»⁹.

Мечтая стать соборным воплощением культурных исканий, Вольная Философская Ассоциация оказалась своеобразным перекрестком, откуда одни ушли в эмиграцию, другие – в «тюрьмы и ссылки», третьи – в относительно благополучные кельи литературоведения и искусствоведения. Вольфила вела свою работу в течение долгих (по тем «севастопольским временам») четырех с половиной лет. Сегодня, когда голоса очевидцев умолкли, а большинство документальных свидетельств уничтожило время, только с величайшим трудом можно понять, что же заставляло людей в эпоху первоначального строительства коммунизма собираться вместе, вести дискуссии и находить интеллектуальное отдохновение в «вольном философствовании».

Новые формы духовного общения создавались в царстве Левиафана – государства, отвердевавшего после революционного «расплава», костеневшего, мертвевшего, запиравшего самое себя на ключ. В этом смысле Вольфилу можно назвать пространством свободы, противостоявшим нарождавшемуся тоталитаризму, или, другими словами, своеобразным экспериментом «открытого общества». Вся история Ассоциации – это противостояние мысли, возжелавшей свободы, и государства, обустроенного на основании определенных принципов, подмявших под себя жизнь.

Впрочем, источник этого конфликта – не только в самой реальности, но и в характерном для поколения рубежа двух веков «мировоззрительном отношении» к действительности¹⁰. Мир вольфильских идей так же, как и система идей победившего коммунизма, пропитан историцизмом и утопизмом; в его основании – «должное», требующее безусловной реализации. Конгениальность лучших представителей этого поколения *нашему* времени в другом: мировоззренческие принципы вольфильцев опосредованы идеей свободы и достоинства личности. На знаменитый вопрос Достоевского, возможно ли «жизнь полюбить больше, чем смысл ее?», русская интеллигенция начала века ответила безраздельной любовью к осмысленной жизни. «Русским мальчикам» европейские гипотезы всегда казались аксиомами, но когда те все-таки потребовали доказательств, то подтверждать, или оправдывать их пришлось подлинно гуманным наполнением собственной жизни.

Академия или Ассоциация?

«С начала 1919 года, – писал Андрей Белый, – в Петербурге среди кружка писателей и философов возникла мысль основать «Академию Исканий» в области вопросов, поднимаемых живой современностью, для уяснения и углубления их в свете философских идей. Идеалом «Академии» служил тип Флорентийской Академии, не завершавшей период, но – открывавшей его. Этим взглядом в будущее «Академия» по замыслу должна была отличаться от обычного типа философских и религиозно-философских обществ, связанных с традицией и часто оторванных от жизни. «Академия» по ряду причин не могла состояться. Вместо нее в ноябре 1919 года возникла «Вольная Философская Ассоциация», объединившая разнообразные течения мысли...»¹¹.

Флорентийская, или «Платоновская» Академия, во второй половине XV в. представленная выдающимися мыслителями своего времени – Марсилио Фичино, Кристофоро Ландино, Лоренцо Великолепным, Пико делла Мирандола и др., стала олицетворением своего рода «идеологии» Ренессанса, в которой различные мировоззренческие интенции соединились под общим принципом гуманизма. Какие же причины воспрепятствовали созданию «Вольной Философской Академии» в эпоху «крушения гуманизма»?

Идея Вольной Философской Академии возникла, не «в начале 1919 г.» (как об этом свидетельствует «москвич» Андрей Белый), но в марте-апреле 1918 г., в Петрограде. К.А.Сюннерберг (Конст.Эрберг) в «Примечаниях мемуарного характера к собранию писем из архива Конст.Эрберга» вспоминал о рождении замысла Вольфилы так: «Вольная Философская Ассоциация предполагалась первоначально, по предложению А.В.Луначарского, в форме Философской Академии. Предположение это было сделано на одном из первых собраний в квартире театрального деятеля Вс.Н.Всеволодского, где одновременно рассматривался и проект положения о Театральном Отделе Наркомпроса. Потом, однако, все же вернулись к «Ассоциации», как к понятию более широкому»¹². Другой организатор Вольфилы – Иванов-Разумник иначе комментировал историю становления Вольной Философской Ассоциации: «Никогда В.Ф.А. не предполагалась как и чем бы то ни было Луначарским. Никакого отношения к собранию

на квартире Всеволодского рождение В.Ф.А. не имело. Вопрос об «Академии» и «Ассоциации» освещен совершенно неверно: Академия была запрещена правительством ввиду рождения московской «Социалистической Академии»; тогда мы остановились на «Ассоциации»¹³.

Обмен репликами состоялся в 1941 г., т.е. спустя 33 года после означенных событий: что-то напрочь ушло из памяти, что-то приобрело фантастические очертания. Поскольку время (весна 1918 г.) и место рождения *замысла* Вольфилы (ТЕО Наркомпроса) не вызывают сомнений, можно предположить, что нарком просвещения Луначарский имел в виду официальную Социалистическую Академию, в рамках которой он и предлагал оформление Философской Академии. Левые эсеры тогда еще принадлежали к правительственной коалиции, и вполне естественно, что ориентировавшиеся на них «скифы» могли рассчитывать на работу в Социалистической Академии, исходя из собственных планов¹⁴. Однако «события» 6-7 июля 1918 г. сделали для них сотрудничество с правительством и официозной Академией невозможным.

После разгрома партии левых социалистов-революционеров, культурное пространство сузилось до минимума: редакции центральных органов партии – газеты «Знамя Труда» и журнала «Наш путь», литературные отделы которых возглавлял Иванов-Разумник, и где публиковали свои произведения «скифы», были запрещены; других возможностей практической духовной работы не было. Оставалось либо погрузиться в состояние коллективной спячки, либо, по мере индивидуальных сил сопротивляясь омертвляющей и удушающей атмосфере действительности, выпрыгнуть из повседневности в должное, в утопию, из мира материализовавшихся фантомов в духовность. Что могло быть более абсурдным и более реальным, чем такая альтернатива тотальному наступлению государственности? В стремлении к «абсурдной свободе», – писал о подобных *сизифовых* усилиях А.Камю, – проявляются «возврат к отчетливому сознанию, бегство от повседневного сна», «на прицел берутся экзистенциальная *проповедь* и вместе с ней духовный прыжок, в основе своей бессознательный»¹⁵.

С этого времени речь шла уже только о создании независимой «Скифской», или Вольной Философской Академии. В середине октября на квартире Сюннерберга состоялось заседание инициативной группы, где

кроме хозяина присутствовали Иванов-Разумник и А.З.Штейнберг. Здесь и была в основных чертах сформулирована концепция Вольной Философской Академии, положение о которой, подписанное А.Блоком, Конст.Эрбергом, А.З.Штейнбергом и Ивановым-Разумником, спустя месяц увидело свет¹⁶. В объяснительной записке к этому проекту Иванов-Разумник писал: «На лекции, в университете, в театре, на художественной выставке, на политическом собрании – везде под разными покровами проявляется все то же устремление к единому смыслу, которое древняя мудрость прозвала философским эросом. Быть может, для старой отживающей культуры нет ничего характернее, чем это почти полное отсутствие воли к философскому единству»¹⁷.

В начале января 1919 г. был подготовлен проект афиши (и даже завизирован А.В.Луначарским), извещавшей о создании Вольной Философской Академии – высшего ученого и учебного учреждения. Общей программной целью ВФА было заявлено исследование и разработка, «в духе *социализма и философии*, вопросов культурного творчества, а также распространения философски-углубленного отношения к этим вопросам в широких общественных кругах». Здесь же говорилось об открытии Академии «во второй половине января 1919 года лекцией *Александра Блока*: «Катилина – эпизод из истории мировой революции». Запись в число слушателей велась в помещении Научно-теоретической секции ТЕО Наркомпроса: именно внутри этой секции, которую возглавлял А.А.Блок и в работе которой принимали участие Иванов-Разумник, Конст.Эрберг и А.З.Штейнберг, окончательно оформился проект Философской Академии¹⁸.

Хотя переговоры с Луначарским вели Конст.Эрберг, В.Мейерхольд и критик Е.Лундберг, «основным..., деятельным, бродильным началом Вольфилы был Иванов-Разумник»¹⁹. 26 января 1919 года на его квартире состоялось первое учредительное собрание Вольфилы, на котором председателем Академии был избран Андрей Белый, а его заместителями («товарищами») – Эрберг и Иванов-Разумник. К концу января Наркомпрос поддержал рождение Вольфилы. Единственное возражение в Москве вызывало слово «Академия»: правительственная инстанция, не желая со стороны новообразуемого философского содружества какой-либо конкуренции с Социалистической Академией, настаивала на ином наименовании. Сошлись на «Ас-

социации», которая вполне устраивала «скифов», позволяя сохранить желанное имя *Вольфила*. По свидетельству Андрея Белого, общее название сложилось так: А.З.Штейнберг предложил слово «Философская», Конст. Эрберг – «Вольная», а Иванов-Разумник – «Ассоциация»²⁰.

«Согласны ли заменить слово Академия Ассоциацией? Последнее может быть обеспечено материально. Москвичи склонны принять эту редакцию. Сообщите ваши предложения» – телеграфировал 28 января из Москвы в Детское Село Е.Лундберг. Иванов-Разумник ответил положительно: «Согласны заменить Академию Ассоциацией. Сообщите подробнее об отношении Комиссариата. Нужен ли наш вторичный приезд в Москву?»²¹. Однако этот вопрос оказался излишне риторическим: спустя две недели ему пришлось ехать в столицу помимо собственной воли.

Арест

В середине февраля 1919 г. большинство организаторов Вольфила были арестованы по делу о «заговоре левых социалистов-революционеров». Ранним утром 13 февраля, в пять часов и пять минут в Петроградскую ЧК из Москвы за подписью председателя ЧК поступила телеграмма: «...Произведите тщательный обыск и арестуйте Разумника Иванова Детское Колпинская 20. Препроводите Москву Лацису»²². Вслед за арестом Иванова-Разумника последовали «изъятия» А.Блока, А.Ремизова, Е.Замятина, М.Лемке, С.Венгерова, А.Штейнберга – всех, кто оказался на страницах записной книжки Иванова-Разумника в списке будущих членов ВФА и, естественно, всех, кого усердные петроградские чекисты сумели отыскать в день разоблачения «заговора левых социалистов-революционеров»²³.

По счастью, для большинства литераторов этот арест, хотя и стал своеобразной «зарубкой» на памяти, не принес каких-либо очевидных последствий. Дольше других (целый месяц) провел в тюрьме будущий ученый секретарь Ассоциации А.З.Штейнберг – брат видного левого эсера, бывшего наркома юстиции в первом советском правительстве – И.З.Штейнберга. Пожалуй, наиболее болезненно воспринял это событие А.А.Блок. Два дня, проведенных в тюремной камере, стали для него своеобразным катализатором «тоски беззвездной»: жизнь окончательно потеряла смысл

и начала ускоренно отсчитывать поэту оставшиеся до кончины два с половиной года²⁴.

А Иванов-Разумник был отправлен из Петрограда в Москву, где в Лубянской тюрьме, в ожидании приговора по своему первому «делу», ему пришлось давать следующие «показания» в связи с организацией ВФА: «Мысль об образовании «Вольной философской академии» возникла в Петрограде в марте-апреле 1918 г. среди петроградцев: А.Блок<а>, меня и Эрберг<а>, а в Москве инициаторами были: Андр<ей> Белый и Лундберг. Эта академия имела целью дополнить пробел Социалист<ической> Акад<емии> в части, касающейся гуманитарных наук. Все организационные дела в Петрограде вел Эрберг, он же говорил с Луначарским. <...> Я <и> мои друзья (Блок, А.Белый, Эрберг и др.) по своей идеологии, противоположной марксистской, примыкали к л<евым> с<оциалистам>-р<еволюционерам>, хотя и не все сочувствовали их политической борьбе. Так как я полагаю, что политическая борьба за преобладание той или другой партии не может исключить идеологической борьбы. <...> Во всяком случае я буду проводить линию народнической идеологии, как это делал до сих пор в течение 15 лет, не принимая участия в той или другой политической борьбе»²⁵.

По окончании следствия Иванова-Разумника отпустили на свободу с условием, зафиксированным в особом документе («расписке»): «не принимать участия в политической борьбе против советской власти». Казалось, культурной инициативе «скифов» уже ничто не могло помешать. Однако Вольфиле суждено было начать работу лишь девять месяцев спустя. Раскрытый ВЧК «заговор левых эсеров» примерно на полгода вообще «заморозил» какие бы то ни было организационные усилия по созданию ВФА. В глазах власть предержащих инициатива была левоэсеровской, пусть и формально беспартийной. Лишь во второй половине 1919 г. в отношении правительства к Вольфиле происходит перелом. Именно летом 1919 г. ЦК Партии левых социалистов-революционеров радикально изменил свое отношение к правящей партии: принял «Тезисы», где основной задачей революции объявлялось «самое активное отражение наступающих на многочисленных фронтах Советской республики контрреволюционных сил», а методы вооруженной борьбы с большевиками, наряду с контрреволюционными действиями, клонящимися «к дезорганизации Красной Армии» полностью отвергались²⁶. Вслед за этим доку-

ментом, в октябре ЦК ПЛСР принял еще и циркулярное письмо, призвавшее объединить «все течения партии на почве отказа от вооруженной борьбы с правительственной партией коммунистов»²⁷.

Вероятно, только в ответ на декларируемую лояльность левых эсеров Левиафан утвердил Вольфилу в праве на существование. Иванов-Разумник откликнулся на это событие в письме к К.А.Сюннербергу (16 октября 1919 г. – время максимального приближения Юденича к Петрограду) не без иронии: «По совести – настолько не верю в роды Вольфилы, что уверен, что белые начали наступление со специальной целью – помешать сделать то, что разрешено, наконец, их врагами»²⁸.

Вольфильская хроника

Заседания Ассоциации открылись 16 ноября 1919 г. докладом А.А.Блока «Крушение гуманизма». Затем последовали выступления и заседания, тематическое перечисление даже небольшой части которых представляет широкий спектр творческих импульсов и исканий²⁹: «Философия культуры», «Лев Толстой и культура», «Ветхий и Новый Завет», «Что такое максимализм», «Символ и индивидуализм», «Воспоминания о Блоке» (А.Белый); «Скиф в Европе», «Первохристианский социализм»; «Достоевский и К.Леонтьев», «Достоевский и социализм» (Иванов-Разумник); «О христианстве», «Итоги античной философии», «Философия труда» (А.Мейер³⁰); «Искусство – бунт» (Конст.Эрберг); «Наука видеть», «Красота спасет мир» (К.Петров-Водкин); «Бог в системе органического миропонимания» (Н.Лосский³¹); «О чуде», «Свобода воли» (С.Аскольдов³²); «Христиане и Христовы», «От «Петербурга» к «Котику Летаеву»» (О.Форш³³); «Иудаизм и христианство», «Трансцендентальный метод и метафизика», «Достоевский как философ» (А.З.Штейнберг) и др.

Выступающие приняли участие в диспутах и беседах: «О Герцене», «О Лаврове», «О пролетарской культуре»³⁴, «О солнечном граде», посвященное 300-летию со дня появления «Солнечного Града» Т.Кампанеллы, «О формальном методе», «Что такое Вольфила?», «Почему нас интересует религиозная проблема», «Памяти Кропоткина», «О Наполеоне» и др. Примечательно, что «юбилейное» 50-е заседание (в день третьей годовщины Октябрьского переворота) было посвящено памяти Платона.

Постепенно набирало силу и новое поколение вольфильской молодежи, которое заявило о себе следующими докладами: «О героической морали», «Об антропософии», «Размышления о «Ревизоре» Гоголя», «Достоевский и античность» (Л.В.Пумпянский³⁵); «Не герои», «Парадоксы бесконечного», «Кант и неэвклидова геометрия» (А.А.Чебышев-Дмитриев³⁶); «Петербург Андрея Белого» (А.Л.Векслер³⁷); «Люлюли» Р.Роллана и «Человек из зеркала» Фр.Верфеля, «Скитальцы и почвенники» (А.А.Гизетти³⁸); «Максимализм и идея конца» (Я.И.Гордин³⁹); «Индивидуальность в истории», «Два устремления в искусстве» (М.И.Каган⁴⁰) и др.

Для более углубленного изучения определенных тем Ассоциация открыла ряд курсов: «Философия культуры» и «Русская литература XX века» (Иванов-Разумник); «Основные проблемы философии» (А.З.Штейнберг); «Культура мысли» и «Антропософия как путь самосознания» (А.Белый); «Философия творчества» (Конст.Эрберг); «Философия религии» (А.А.Мейер); «Изобразительное искусство» (К.С.Петров-Водкин) и др. В основном проводились открытые, публичные заседания, но были закрытые курсы и специальные кружки (в частности, курс Андрея Белого «Философия символизма»).

Воскресные диспуты, лекции и беседы проходили при значительной активности аудитории (собиравшей более тысячи человек) и длились пять-шесть, а то и более часов. С ноября 1919 г. по март 1920 г. Вольфила располагалась по адресу: Литейный пр., 21/14 (дом Тупикова) в помещении кооперативного издательства «Колос» (именно здесь состоялось рождение Ассоциации). В марте ВФА переехала на пл. Чернышева, 2, одновременно проводя заседания в помещении «Дома Искусств» (Невский, 86). В мае 1920 г. Ассоциация располагала залом Географического общества (Демидов пер.; наст.: Гривцова, 10) вместимостью до 1200 человек. К этому времени основное помещение Вольфилы находилось по адресу: Фонтанка, 50.

В сентябре 1921 г. открылось московское отделение Вольной Философской Ассоциации, которое также возглавил Андрей Белый. В состав его Совета вошли Г.Г.Шпет⁴¹, М.П.Столяров⁴², С.Д.Мстиславский⁴³ и др.; среди «действительных членов» значились Н.А.Бердяев⁴⁴, М.О.Гершензон⁴⁵, Б.П.Вышеславцев⁴⁶. Первое открытое заседание состоялось в начале октября 1921 г. беседой о задачах ВФА и лекцией Андрея Белого «Достоевский в кризисе сознания». Тогда же отделение

Вольфила образовалось в Чите⁴⁷, а позже – в Киеве и в Воронеже⁴⁸. По инициативе Совета петроградской ВФА в 1921-1922 гг. предпринимались усилия по проведению Первого Всероссийского философского съезда, которому предполагалось придать международный характер.

Руководители Ассоциации исповедовали принципы, сочетавшие традиционную «правду-истину» с неотъемлемой от нее «правдой-справедливостью» (Н.К.Михайловский) – «вечными спутницами» русской общественной мысли. Как и в дореволюционную эпоху, духовными ориентирами отечественной интеллигенции были пророчества Герцена, индивидуализм Лаврова, религиозный социализм Достоевского, неославянофильство Данилевского, антимещанство Леонтьева, эсхатология Соловьева. Одновременно в центре внимания оказалась тема культуры – открытого для интерпретаций интеллектуального пространства, которое рассматривалось под углом зрения науки, искусства, религии, философии, общественности.

Объединяющим началом была и оппозиционность официальному марксизму. «Так как критиковать марксизм, – вспоминал А.З.Штейнберг, – прямо было невозможно (это ставило бы под угрозу самое существование нашей ассоциации), то мы прибегали к известным хитростям. Например, применяясь к обстоятельствам, пользуясь заметными хронологическими датами, выбирали такие темы, как «Значение личности в истории», по поводу столетия со дня смерти Наполеона. Интеллигенты-марксисты необыкновенно интересовались такими темами. Предполагалось, что мы говорим своим, как бы эзоповским, языком. Впрочем, в России такой эзоповский язык употреблялся уже в далекие царские времена. Наши слушатели понимали, что если идет речь о наполеоновском времени 1820-х годов, то это будет в основном не о Наполеоне, а может быть о монархии, может о диктатуре, о войне и мире, а может быть о Льве Толстом или самом марксизме. Фактически так это и было»⁴⁹.

В середине декабря 1922 г. Вольфила отпраздновала трехлетнюю годовщину своего существования. Выступавшие подчеркивали значение Ассоциации как источника духовных исканий и культурного творчества. «В переживаемую нами эпоху, – писал в итоговой статье, посвященной этому событию, А.А.Гизетти, – когда догматическое провозглашение определенных, до конца ясных ответов и путей представляется

еще несвоевременным и мало находит отклика в потревоженных душах, положительная работа естественно направляется преимущественно по пути закаливания критической мысли, внимательного самоанализа, как пути к уяснению основных ценностей, страстного прислушивания к новым явлениям духовно-общественной жизни. Философия для работников Вольфилы мыслится, как мирозерцание и дело жизни»⁵⁰.

Идейные векторы – I: Революция

Полное описание всех мировоззренческих аспектов Вольной Философской Ассоциации не представляется здесь возможным. Поэтому остановимся лишь на тех из них, которые были высказаны лидером ВФА – Ивановым-Разумником и которые, на наш взгляд, свидетельствуют о соотносимости основных идейных позиций Ассоциации с принципами «открытого общества».

Основой мировидения Иванова-Разумника был своеобразный «духовный максимализм»: человек должен быть открыт миру; ни в одно из мгновений своего существования он не имеет права говорить действительности «нет», ибо как только произносится это роковое слово, дух умерщвляет сам себя, и «живая жизнь» оборачивается мертвой словесной схемой. Вот почему все вызовы мира – войны, политические перевороты и социальные катаклизмы, последующие изгнания и катакомбы – все это рассматривалось как испытания, предъявляемые каждому человеку. Выдержит, не сломается – тогда желаемое преображение состоится здесь и теперь, сломается – «пусть»: преобразование неминуемо предстоит пережить последующим поколениям.

Таким «испытанием пути» увиделась инициатору Вольфилы свершившаяся революция. Казалось, что в этом глобальном сдвиге будет несколько «революций»: начинаясь как политический переворот, она неизбежно приведет к социальным преобразованиям и в конечном итоге завершится духовным преобразованием. Однако, если некоторое время у «скифов» еще сохранялась надежда на животворящий дух времени, то уже в марте 1921 г., в трагическом совпадении кончины П.А.Кропоткина и так называемого «Кронштадтского мятежа», «начало конца революции» стало очевидным,

когда не выдержав «определенных требований должностования, которые были к ней предъявлены, ...она пошла на компромисс с реальной политикой»⁵¹.

Символически одна эпоха сменяла другую: стихийная, народная, начавшаяся в феврале 1917-го, завершалась в позорных судорогах Брестского мира, гражданской войне и событиях марта 1921-го; другая – государственная, тоталитарная, определялась со всей неотвратимостью именно на этом роковом рубеже. *Мистически* душа революции, отмаявшись свои «сорок дней», отлетала, чтобы возвратиться в духе – в самосознании людей. Надежды и иллюзии в отношении к современности уступали место жесткому самоанализу.

На заседании «Памяти Кропоткина», состоявшемся в августе 1921 г. (опять-таки символически совпавшем с кончиной А.Блока и гибелью Н.Гумилева) Иванов-Разумник со всей остротой поставил вопрос о человеке, отождествившем себя с революцией: «Что такое подлинный революционер? Тот, которого надо повесить на другой день после революции». Но если духовному революционеру суждено пережить революцию, что мог бы он предложить своим соотечественникам в качестве социального идеала? В условиях, когда декларированное политическое и социальное освобождение в реальности представляло собой всеобщий контроль государства, Иванов-Разумник отдавал безусловные приоритеты идее разрушения государственности: «Анархизм теперь идеологически слаб, но за ним великое будущее. Левый социализм все больше и больше будет склоняться к анархизму в своей основе – в отношении к государству. Анархизм есть дальняя вежа, к которой мы все идем; и имя Кропоткина всегда будет развиваться знаменем на этом далеком маяке для всего человечества»⁵².

Какой виделась суть революции в этой, радикально изменившейся обстановке? «Мировая революция, которую мы чаем и ожидаем, конечно, не та, которая совершилась теперь, в эти годы, конечно, не та, которая совершится через пятьдесят или сколько-нибудь лет, в России или Европе, потому что все это только ступени <...> <Если люди думают>, что они дошли до предельной революции, что они дошли уже до социализма, <то они> просто не понимают, ни что такое революция, ни что такое социализм, просто говорят об «обезьяне», о кривом зеркале, просто не понимают, что есть определенные шаги, есть определенные сту-

пени, мимо которых не пройти, но считать эту ступень, которая только начинается с земли за последнюю ступень высочайшей лестницы, значит просто не понимать того, что есть всемирная история»⁵³.

Иванов-Разумник исходил здесь не из объективного смысла истории, в который сам никогда не верил, а из «той внутренней телеологии, которую человек и человечество вкладывают в события»: «...Что есть революция в эссенции своей, в этой самой неопалимой купине, которая оказывается весьма опалимой, то я думаю, можно сказать так: революция есть и сущее, и должное, и поэтому, видя революцию сущую, мы ставим к ней требования некоторого долженствования и, судя по этому требованию, судим и революцию. Иначе говоря, – откуда мистики революции знают о ее сути – а они знают из знания реальной революции, когда она идет <...> Революция была некогда в краткий период существования, одновременно и сущей, и должной, а теперь стала просто сущей, то есть не существующей, ибо всякая революция кончается тем, что перестает существовать...»⁵⁴

Идейные векторы – II: Социализм

«...Если мировая революция есть Социализм с большой буквы, эсхатологически, то будет не старый человек на старой земле, а будет новый человек на новой земле, и это должно быть. Если этого не будет, то не нужна нам и вся всемирная революция, и мировая история. И это есть должное, этот высокий социализм, кровавое изображение которого в кровавых знаках мы видим постоянно в ходе мировой истории, но проблески которого мы видим в той грозе и буре, когда эти изображения хоть на миг появляются перед нашими глазами»⁵⁵.

Что же такое – этот самый «Социализм с большой буквы», который, по мнению Иванова-Разумника, оправдывает даже совершающееся в исторической реальности «беззаконие»? В книге Е.Полетаева и Н.Пунина «Против цивилизации» (из опровержения тезисов этого «бестселлера» 1918 года вырос доклад Блока «Крушение гуманизма», а позже и главная, построенная на вольфильских выступлениях работа Иванова-Разумника – «Оправдание человека») присутствует знакомая всем формула «социализма»: мир Целого – самоцелен; наука, монизм и разделение труда – движущие силы

прогресса, приближающие мир к воплощению идеала; индивиды – «только носители энергии, а не ее источники». Главный пафос произведения раскрывается в следующем утверждении: «Существует только народ, и благо народа, и расы. Отдельные индивиды могут, конечно, пострадать или погибнуть, но это необходимо и гуманно, и даже спорить об этом жалкая маниловщина, когда дело идет о благе всего народа и расы, и, в конечном счете, человечества»⁵⁶. Личность – это «случайная и неорганизованная воля»; социализм же, понимаемый как «творчество», противопоставляемое «жизни», есть «власть» над этой волей, наведение порядка в хаотической форме цивилизаций, где люди «хотели только жить и жить во что бы то ни стало»⁵⁷.

Иванову-Разумнику в этом квази-марксистском взгляде на человека и его историю все виделось перевернутым: «цивилизацией они называют культуру, а культуру цивилизацией». Подлинный социализм означает развитие личности, последовательно раскрывающей свою самоценность в общем деле: «В свое время христианская революция рождала в мир «нового человека», духовно свободного – и потерпела крушение на встречном замысле старого мира: духовно свободного оставить все же физически, экономически, социально, а потому и духовно – поработленным. С этим «взрывом изнутри» бывшей духовной революции вступила теперь в борьбу революция социальная, и ее благая весть – прежняя: освобождение человека. Но на этот раз – освобождение полное: физическое, социальное, духовное»⁵⁸.

В требовании «полноты» – смысл разумниковского «Социализма». «Полнота» – это то, что Аристотель называл «энтелехией», гностики – «плеромой»; то, что позволяет перевести принцип взаимоисключения (или – или) в принцип взаимодополнения (и – и), столь тяжело принимаемый политиками. Полноте («скифству», «духовному максимализму») противостоит «ничто», воплощенное в «монголизме»: «Монголизм» – начало ариманическое, сон, майя, nihil (*ничто /лат./), «категория льда», неподвижность, статизм, минимализм, вечный покой, а «скифство» – начало ормуздическое, явь, реальность, (τὸ πᾶν * все /греч./), «категория огня», движение, динамизм, максимализм, катастрофичность. Каждое из этих слов – не решение, а само по себе задача; и все же общая сумма каждого этого ряда обратна другой по знаку, оба эти ряда – символы всего, что только есть противоположного и враж-

дебного в мире, который сам есть своя противоположность»⁵⁹.

Нет противника страшнее, чем «мировой нигилизм», представляющий собой космическую идею. Внешне они так схожи, «скифство» и нигилизм, так одновременно направлены к разрушению, что между ними, казалось бы, можно поставить знак равенства. Но «мировой нигилизм» – самоцель «всесветного Мещанина» – использует для достижения своих целей нивелирование, у-ничто-жение смыслов, то есть превращение «нечто» в «ничто». Другой, более изощренный способ: превращение «ничто» в иллюзорное «все» – в тотальное объединение пустых понятий в единый «изм». Именно так нигилизм обращает любовь к Отечеству в патриот-изм, идею освобождения человека в либерал-изм, а социальную революцию скрещивает с коммун-измом. Могущество и обаятельность живой идеи сменяются ограниченностью, а утверждение нормы завершается идеологической тюрьмой.

Свобода не дается извне, не привносится, словно награда за благие деяния, но завоевывается, сотворяется самим человеком. «Цель оправдывает средства – формула гнусная, насколько средствами являются другие люди, но и только. Крестьянин, взрывающий соху поле, тоже целью оправдывает средство. Соха – культура, поле – мир; и во мне говорит исконный социалист, вера которого в том, что во имя человека имеет право человек менять лицо земли. Социализм этот – конечно, не нынешний иезуитский коммунизм, не удав государства; это – далекое будущее, когда люди станут людьми. За ним – еще более далекое грядущее, когда человек сумеет менять лицо земли не во имя человека, а во имя всего живого на земле, ибо, по слову поэта, «хулиган, убийца и злодей» существуют на свете «оттого, что режет серп колосья, как под горло режут лебедей»⁶⁰. А когда человек поднимется на последнюю ступень, когда культура освятится не во имя человека, не во имя живого, а во имя Всего, тогда, пожалуй, и культуре и истории конец, ибо это будет уже высота высших ступеней иогизма (говоря условно). Если это Все мертвое, тогда, конечно, *le mort saisira le vif* (* мертвый хватает живого /фр./); если оно – живое, тогда живой преодолет мертвеца в нас самих»⁶¹.

Идейные векторы – III: Преобразование

«...Тема преобразования, – говорил Иванов-Разумник на заседании, посвященном Ф.Достоевскому и К.Леонтьеву, – это та тема, которую нужно проследить в глубине истории, как она впервые встречалась у пророков, как она потом в Элладе изредка и отрывками появлялась в «Федре» Платона, у трагиков некоторых, у неоплатоников чаще, как эта тема становится основной темой христианства, как все христианство в свои первые героические времена построено на этой идее, но потом она пропадает с Блаженного Августина и опять появляется у Данте... в его «Божественной Комедии», которая вся построена на этой идее преобразования, как весь гуманизм строится на этом, и как идея эта превращается в ту самую мировую революцию, в тот самый мировой социализм, который якобы так диаметрально противоположен этой идее...»⁶².

Путь к преобразению, или «оправданию человека» представлялся ему так: «доисторическая жизнь» – «историческая (вчера)» – «оправдание свободы (сегодня)» – «свободное творчество (завтра)» – «слияние антроподицеи и теодицеи»⁶³. В историческом бытии господствует абсолютная теологическая предопределенность – воля Божия. В свободном творчестве свое-волие присутствует имманентно, как начало, тождественное самой жизни, открывающее путь к «богообратству». Но до этой высшей цели предстоит долгий исторический путь, измеряемый столетиями и тысячелетиями.

В истории сталкиваются два культурно-исторических принципа: «бого-водительство», воплотившееся в иудействе, и «человеко-водительство», ставшее путеводным ориентиром арийства. В иудействе божественное вразумление Ионы, отказавшегося повиноваться промыслу, и горячая вера Авраама, вернувшая ему сына, и множество других ветхозаветных «историй», основанных на страхе человека перед Богом. Страх этот парализует разум, не оставляя человеку надежды на выбор – пространства для проявления своеволия. Только библейский Иов спорил с Богом так, будто был Ему равным, не подозревая, что на самом деле является игрушкой в споре высших сил – Бога и Дьявола. В арийстве – «антропократия», или соперничающая с божественной человеческая воля. Но такой импульс, в своем стремлении к абсолюту отказываю-

щийся от услуг разума, в конце концов погружает человека в пучину безумия (наиболее яркий пример тому Ницше).

Что сильнее: «огненный столб» наказания (иудейство) или «огонь Прометея», символизирующий своеволие (арийство)? Воля, униженная до «бесконечно малого», и воля, самовозвеличившаяся до «бесконечно большого», одинаково не приводят человека к смыслу его существования. В Ветхом и Новом Заветах воплощены два исторически сменяемых друг друга принципа: «богоотцовство» и «богосыновство». Возможно ли – а значит, оправданно ли – историческое и культурное появление нового принципа – «богобратства», с подчеркнутым Ивановым-Разумником восхождением человека к Богу на равных через принцип: «да будет воля моя»?

В своих досознательных первоначалах человек «спит», пребывая под защитой и покровительством Бога: ветхозаветный Адам есть творение Божие, созданное Творцом «по образу Своему» (Быт.1,27). Даже изгнанный из рая, Адам продолжает оставаться с-Ним (буквально: «сон» = «с – Он»). «Богоотцовство» означает полное, безраздельное подчинение человеческой воли (можно ли вообще говорить о столь «бесконечно малом»?!) – воле Божией. Если сон есть бытование в трансцендентном, балансирование на грани между жизнью и небытием, то явь (буквально: я – в) означает имманентное жизни бытийствование, или самодостаточное, осмысленное существование внутри самого бытия. Между Сном и Явью – пробуждение как испытание, как выбор, как трагедия индивидуального преобразования. Именно так начинается путь человека, опыт зрячего вхождения его одинокого «я» – в мир, попытка за неопределенной поверхностью разглядеть глубинную реальность жизни.

Рождение Иисуса Христа есть рождение Сына (Адам – не Сын, но тварь Господня), посланного Богом в мир для того, чтобы мир спасен был чрез Него» (Иоанн.3,17). Христос несет с собой свет, позволяющий людям видеть во тьме, и, одновременно, Он требует от своей паствы полного подчинения: «иди за Мною» (Иоанн.21,19,22), оставайся в состоянии сна, для свой сладкий «с-Он» пребывания в воле Божией, заставляющий забыть о своей собственной воле; или помни о ней, но помни как об источнике зла, и потому беги от нее, спасайся под сенью Господней.

Подлинное преобразование кажется безумием. Так,

в платоновском «Федре» философ видится благоразумному меньшинству «помешанным», хотя «у него по мере сил память обращена на то, чем божественен бог»⁶⁴. Непосвященным такое таинство соединения человеческого разума и божественного духа представляется помешательством, но именно так свершается преобразование: отвлечение от мнимости человеческой суеты и обращение к божественной истине. В Новом Завете преобразование – это встреча человеческого и божественного: у Иисуса, совершившего таинство преобразования, изменяются «лицо» и «одежды» («И преобразился перед ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» – Мат.17,2). Поверили бы ученики Иисуса в Его воскресение, не будь этого преобразования действия абсолютно «безумного» на взгляд книжников и фарисеев? Примечательно, что и позже, в свои «первые героические времена», христианство (например, в лице апостола Павла) выступало по отношению к ветхозаветным традициям как проповедь «неразумения»; только спустя несколько столетий оно обращается в «благоразумие» – в проповеди Августина и нормативных актах Церкви.

Для Иванова-Разумника преобразенный разум (обращенный к другим людям) и есть «да будет воля моя»; чужая воля, опосредующая движение разума к вере, становится в этом случае просто излишней. Именно такой одинокий разум кажется большинству помешательством, безрассудством, в конце концов – отказом от божественного начала. «Благоразумное» большинство не замечает, что преобразование позволяет человеку обрести Бога: смотреть внутрь себя и видеть весь мир; смотреть в мир и видеть самого себя. Окончательный выбор пути за самим человеком: «Человек, который хочет воистину жить, должен вмешаться в самую «гущу жизни», жить всем и во всем, не замыкаясь на голых вершинах религиозных или эстетических схем, лежащих вне жизни, вне красок мира. И еще одно должен выполнить человек, который хочет воистину жить: он должен любить человека»⁶⁵.

Пробуждение (преобразование) означает воссоединение человека и его воли, превращение паскалевского «бесконечно малого» в «бесконечно большое» («богобратство»). Это может быть понято как «смерть Бога» (Ницше) или как сформулированная Хайдеггером проблема: «не созрел ли человек для того бытия-ствования, вовнутрь которого он ввергается изнутри

самого бытия, не созрел ли он настолько, чтобы выстоять в такой своей судьбе на основе своей сущности и без всякой мнимой подмоги чисто внешних мер?»⁶⁶. Но «пробуждение» может быть интерпретировано и как «антихристова музыка» – звучащий отовсюду гимн «о грядущем во имя свое сверхчеловеке-самозванце»⁶⁷.

«Богобратство», по Иванову-Разумнику, не только «конечная цель», но, может быть, весь сознательный, исторический путь человека, где испытания заданы не в наказание, а как возможность выбора. В конце концов каждый человек сам решает, как ему поступать и что отвечать на вечный вопрос «зачем?»: спать ему или бодрствовать, забыться или бытийствовать? Если понимать – значит принимать мир, то смыслы как раз и есть те самые мостики, по которым человек, прозревая, входит в мир и преображает его. Творчество и есть не простое изменение мира, но деяние, освященное смыслом. Воплощая данным актом принцип «богобратства», человек одновременно изменяется, преобразуется сам.

Сообщество: «открытое» или «закрытое»?

Помимо ответа на центральный вопрос о судьбе человека в историческом процессе, руководители Ассоциации не могли не задаваться и значением самой Вольфилы. Когда в процессе работы выявилось расхождение между образовательной функцией ВФА и ее духовной сверхзадачей, однозначный выбор был сделан в пользу последней. «Задача нашей философской ассоциации, по словам А.З.Штейнберга, не та, что задача философского факультета. Задача последнего есть подготовка к экзаменам, здесь в конце концов некоторое творчество может проявляться только в пределах распоряжения готовым материалом. Мы ценим самостоятельную мысль. Мы думаем, что путь механического усвоения материала есть путь один из многих, не самый краткий для того, чтобы осознать в себе собственную философию, которую каждый носит, а есть еще множество других путей, более жизненных, весьма практических: страдание, радость, знание какого-либо отдельного уголка жизни, все это является преддверием для целостности человеческой личности, и эта цельность воплощается в философию, потому что во многообразии своих стремлений создавать единую

равнодействующую, это значит стремиться к цели вообще, а эта цель... – единство мысли, как отвлеченное единство именно потому, что философия единство, цельность выставила как последнюю задачу»⁶⁸.

Но если мировоззренческий «иннормизм» (выражение Конст. Эрберга) Ассоциации был самоочевидным, то проблема «открытости» и «эзотеричности» заседаний ВФА вскоре обнаружила свою актуальность. Вспоминая послеоктябрьскую действительность, М.М.Бахтин говорил: «Конечно, салоны в строгом смысле этого слова уже в ту эпоху не существовали и существовать не могли, но ту же почти функцию выполняли... кружки, связанные общностью взглядов, общностью интересов, личными знакомствами»⁶⁹. Вольфила не была ни «салон», ни «кружком». Среди постоянных участников, именуемых «членами-соревнователями», большинство фамилий сегодня ничего не говорят даже специалистам. Кто-то (а воскресные собрания, напомним, посещали более тысячи человек) приходил на заседания случайно, а некоторых, вероятно, просто можно назвать «городскими сумасшедшими». Каждый претендовал на безусловную значимость собственного выступления. Многие ораторствовали из-за характерной для России горячей любви к устному слову⁷⁰.

Откликаясь на очевидность подобной «профанации» мысли, искусствовед Э.Ф.Голлербах писал в «Открытом письме членам Вольной Философской Ассоциации»: «Если Ассоциация собирается *популяризировать* философские знания, то для этой цели нужны другие темы, другое изложение, может быть даже другие лекторы. Если же она хочет обнажать величайшие глубины мысли, вскрывать сокровеннейшие истоки духовного бытия, не только *ставить*, но и *решать* острейшие философские проблемы, она не должна *профанировать своей работы* выносом ее на улицу, где торжествует дешевое любопытство и низколобая критика. Профанация *великого и святого* недопустима. Разве нельзя устраивать закрытые заседания, с правом входа по рекомендации? Это производило бы отбор, фильтрацию слушателей и участников. Не знаю, как понравился А.Белому выкрик «довольно» во время его глубоко интересной и содержательной речи (на докладе Лосского). Меня этот выкрик больно задел, хлестнул по душе и стало мне жаль Белого, растрочающего бисер... »⁷¹

Поэтому, кроме воскресных (открытых) заседа-

ний, Вольфила собиралась по понедельникам более узким составом. Эти встречи демонстрировали собственную «эзотерику», отмеченную Андреем Белым: «Разумеется, «В.ф.а.» была не на уровне своей великой идеи: быть тотумом, ассоциацией, а не партией, обществом; но «В. ф. а.» сознавала это, не выдувая из соломинок мыльных пузырей не существующей эзотерики, интимности, братства; в этой суровой и честной правде складывалась своя интимность: интимность ничем не прикрытого стремления – к правде, какую бы она не оказалась без фиговых листиков и виньеток, заглавий правды»⁷².

Отметим, что, кроме «суровой правды», на вольфильских встречах присутствовала и дружеская ирония. В мире тотального закрепощения людям трудно оставаться лиричными и душевными без этой, по выражению С.Кьеркегора, «негативной свободы», пронизывающей все формы человеческого существования – от способа философствования до личных взаимоотношений. В условиях, когда действительность не была обусловлена свободой, ВФА культивировала дружескую атмосферу «братства», творческого союза, строившегося на близких человеческих отношениях, и тем самым подспудно утверждала принципы «открытого общества». О внутреннем, интимно-дружеском характере заседаний Ассоциации можно судить по иронической поэме Конст. Эрберга «Вольфила» или, например, по шуточному стихотворению Д.М.Пинеса⁷³ «Скифо-Вавилонская история», в основание сюжета которого положено одно из «понедельничных», значительно более «эзотеричных», нежели «воскресные», заседаний ВФА.

Скифо-Вавилонская история (Сконаполь-истоар)

23 мая 1921 г.

Посвящается А.Л.В.

Ах, трещит Вольфильский дом!
Забывает Нина – Шуру,
Русый *русский* чернозем
Пра-семитскую культуру.

«Мир влечется в примитив»,
Примитив пришел с эффектом,
Простотою заменив
Усложненность интеллекта.

Примитив пришел и прет
В круг большой и эзотерный;
Ассирийский древний рот
Сжат от горечи безмерной.

И вонзает острый терн
Наркомскиф Р.В.Иванов,
Поручая Гагенторн
Дать отчеты для журналов...
В опустелом сердце мрак,
Скорбь скребется, точно кошка;
Захватил коварный враг
Даже светлое окошко.

Но в примитиве вдруг марксизм
Зацвел под звуки Булгакова;
В душе усталой – пароксизм,
И не сдержать волненья злого –

Беги, о древний Вавилон!
Твоя семитская культура,
Твой метод, сложность – *просто сон*
И *буржуазная* структура!..

И затрещал вольфильский шов
От слов марксистского уклона
[И воздух взорван от циклона.]
Истинно-русский Чебышев
Примкнул к *побегу* Вавилона.

И лишь разумный Наркомскиф
С своею трубкой не расстался:
Он рад, Вольфилу в хаос сбив,
Что – *Понедельник* состоялся.

*Д.П.*⁷⁴

Берлинская Вольфила⁷⁵

Социокультурный феномен, получивший в истории русской общест­венности устойчивое название «Русский Берлин»⁷⁶, возник в результате вынужденной и добровольной эмиграции интеллигентов, принадлежавших к элите – философской и литературно-художественной – Петрограда и Москвы. «Русский Берлин, – писал А.М.Ремизов, – если еще не превратился, то был накануне превращения в Афины <...> хлестаков-

скими курьерами летали из России в Берлин и из Берлина в Россию художники, писатели, ученые и музыканты. <...> инфляционный Берлин, связанный с живой Россией и по свежим воспоминаниям выехавших за границу и по общению с приезжающими из России, был столицей...»⁷⁷

Суть явления состояла не только в том, что Берлин 1920-х гг. заметно «обрусел», но прежде всего – в едином стремлении русской колонии создать в своем новом хронотопе некий «параллельный мир», где могли бы реально существовать сложившиеся и действовавшие в послереволюционные годы в России новые институты интеллектуального общения. Подобное «двойничество» было вызвано к жизни стремлением упрочить связи с родиной, вопреки дистанции, осознать пути развития ее истории, культуры и философской мысли. Так в Берлине возникли Дом Искусств и Вольная Философская Ассоциация.

Кратковременный период деятельности берлинской Вольфилы начался с появления в столице Германии поздней осенью 1921 г. Андрея Белого с целью создания здесь на базе издательства «Скифы» центра культурных, философских исканий, подобного сообществу «вольных мыслителей» в Петрограде. 18 ноября он прибыл в Берлин, и уже спустя неделю с небольшим состоялось учредительное заседание Ассоциации. Позже, оценивая события того времени как острую личную и идейную драму и называя этот период своей жизни – «берлинским обмороком», Белый писал: «Я еще должен был 1) зарабатывать хлеб, 2) вести журнал, 3) написать три тома *«Начала века»*, 4) организовывать отделение *«В.ф.а.»*, 5) организовывать *«Дом искусства»*. Все это проделывал я в сплошном бреде, все это способствовало не выздоровлению, но – углублению болезни»⁷⁸.

Центральной задачей берлинского отделения Ассоциации было определено исследование различных аспектов индивидуального и общественного сознания. Однако вскоре стало очевидным: если в Петрограде действительно работало товарищество вольнодумцев, объединившихся в искании новых путей для России, то берлинская Вольфила так и не смогла стать центром самосознания эмиграции. Замысел построить подобное сообщество вне России натолкнулся на массу внутренних и внешних препятствий. Действительность с ее политическими и идеологическими противоречиями не могла не влиять на характер меж-

личностных отношений внутри эмигрантского сообщества, не исказить так или иначе образ самой реальности. Особенно остро на истории Вольфилы отразился внутрииздательский кризис «Скифов», вскоре ставший одним из самых скандальных эпизодов из жизни «Русского Берлина».

Берлинская ВФА открылась 4 января 1922 г. публичным докладом Андрея Белого «Культура духа». Но уже 15 января Белый писал Иванову-Разумнику: «Учредили «Вольфилу»: плохо идет. Вместо «Вольфилы» – хожу к студентам, русским; и – среди них подлинная «Вольфила», а в «Вольфиле» вольфилы – нет. Е.Г.<Лундберг> относительно «Вольфилы» – увалень: он, персонально милый, стал – чиновником; Александр Абрамович⁷⁹ – волевой, но «шалый»; с ним каши не сварить, Браун⁸⁰ живет в Лейпциге, Яценко⁸¹ лишь числится, а Минский⁸², единственно «*хотящий*» «Вольфилу» – «Вольфил» ли? Руки отваливаются там работать. Чтобы «Вольфила» была вольфилой – надо четырежды *впрячься* в нее: за Вас, за Аар.Зах.<Штейнберга>, за себя, за Конст.Алекс.<Сюннерберга>. А я не могу: мне с моей трагедией⁸³ – до себя лишь. Пулю в лоб – вот как плохо. *Шестов* из рук вон как подвел: в письме и не расскажешь. С треском, со скандалом вышел из «Вольфилы» (из-за газетной истории с Лундбергом⁸⁴). «Вольфила» возникла, а у меня – сомнение: властью бы председателя ее закрыть: до того она – не «Вольфила». Берегите «Вольфилу»: из Берлина Петербургская Вольфила сияет утренней звездой⁸⁵. К лету 1922 г. после десятка открытых и закрытых заседаний, берлинская Вольфила практически сошла на нет.

Нельзя не упомянуть здесь и о нескольких заметках в газете «Голос России», сообщавших в апреле-мае 1922 г. о возникновении и деятельности «в противовес» Вольфиле нового философского общества под странным названием «Цвофирзон». Они внесли элемент бурлеска в строгий ряд статей и объявлений о работе Вольной Философской Ассоциации в русскоязычной прессе Берлина. Автором анонимных публикаций был Алексей Ремизов, литератор, близкий к «скифам», еще в России снискавший славу изощренного мистификатора и выдумщика. Цвофирзон явился естественным продолжением многолетней ремизовской игры – Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, собравшей в 1910-е годы людей искусства, способных к творческому «своеволию», широте взглядов и игровому восприятию действительности⁸⁶.

Своим определением – «свободное философское содружество» Цвофирзон декларировал идею объединения, под лозунгом которой протекала вся эмигрантская жизнь русской интеллигенции. Однако тенденция к воспроизведению русской интеллектуальной жизни, к своеобразному двойничеству, столь характерная для деятельности русских эмигрантов в Берлине, была доведена в ремизовских печатных розыгрышах до абсурда. Мотивы создания мифического антагониста Вольфилы отразили как индивидуальные рефлексии писателя, так и в известной степени общие настроения русской колонии. Выдумка Ремизова отчасти была продиктована желанием освоить новое культурное и географическое пространство, притязаниями на новаторское использование жанра газетной заметки в литературных целях, – но, главным образом, объяснялась попыткой показать тщетность и беспочвенность философской задачи, ради которой объединились берлинские вольфильцы. Эта позиция согласовывалась с мнением близких к Ассоциации людей, которые и тогда и позже выражали сомнения в том, что в эмигрантской среде можно воспроизвести атмосферу духовный исканий, интеллектуального братства, какой была наполнена их деятельность в России.

«Удушение» Вольфилы

Новые времена побеждали не сразу. Приступами брали они одну преграду за другой, и каждый раз, проснувшись, люди чувствовали, что в духовной атмосфере эпохи происходят разительные перемены. Наступали времена не только новые, но – «иные» (А.Блок). Осенью 1922 года «философский пароход» увез в Германию петербуржцев Л.Карсавина, Н.Лосского, П.Сорокина (последний перед самым отъездом, передавая привет друзьям, писал: «повоюйте в меру возможности с цензурой»), а также большинство московских «вольфильцев». В конце ноября навсегда покинул Россию и ученый секретарь Ассоциации А.З.Штейнберг.

На одном из открытых заседаний ВФА критик П.Губер причислил Иванова-Разумника к тем «мистикам революции», которые, ссылаясь на собственный мистический опыт, отрицают опыт истории или сообщают последнему совершенно фантастические черты. Другой оппонент Иванова-Разумника, математик А.Чебышев-Дмитриев высказался еще более определен-

но: «Я-то лично для себя свою концепцию знаю: революция окончательная это есть умирание, смерть; и результат революции – это общее кладбище... Все мы в одиночку будем умирать и переживать эту революцию, ...всякий в конце концов получает свою полную порцию ужаса и переживаний, и это будет для каждого в отдельности революция. Но, по-видимому, не так.. мыслит себе это Разумник Васильевич, и... мне интересно знать, потому что я предвижу, что это опять есть убегание от смертного страха. Но я его не замечал вообще в Разумнике Васильевиче...»⁸⁷

Иванову-Разумнику действительно пришлось отвечать за свой духовный максимализм судьбой, вехами которой стали многочисленные аресты, тюрьмы и ссылки⁸⁸. Впрочем, это было скорее следствие своеобразных «правил», предлагаемых обстоятельствами. Его собственным ответом стало отсутствие «смертного страха», объясняемое стремлением к максимальной полноте самосознания: все увидеть, все запомнить, все понять. Вспоминая давние годы, А.З.Штейнберг писал: «Несмотря на то, что в большевистской России происходили такие моральные неистовства, Разумник Васильевич смотрел на эмиграцию как на грех. В нем сидел какой-то странный национализм, заставлявший его смотреть на иностранцев как на людей второго сорта в нравственном отношении. Он считал, что если эмигрирует человек с полу-немецкой, грузинской или шведской фамилией, так это еще куда ни шло. Настоящий же русский человек НЕ ДОЛЖЕН эмигрировать! Его не должны пугать никакие трудности и противоречия. Он должен оставаться и пройти через все испытания в России»⁸⁹.

Надзирающее и карающее око «Левиафана советской общественности» (выражение Иванова-Разумника) обратило внимание на Вольфила лишь в 1924 г. Хотя после смерти Ленина правящую партию раздирали собственные фракционные склоки, это не мешало коммунистам особо остро реагировать на инакомыслие, вот уже много лет исходившее от внепартийного окружения. По позднему свидетельству Большой советской энциклопедии, «Вольная философская ассоциация объединяла философов и поэтов различных течений, но решающее большинство стояло на платформе реакционного идеализма и мистицизма»⁹⁰. В 1924-м вольфильцы, конечно же, еще не могли подозревать, что десятилетие спустя эти идеологические оценки станут политическими обвинениями, в соот-

ветствии с которыми многие из них будут разбросаны по бесконечным пространствам «архипелага ГУЛАГ»; другим же Левиафан милостиво разрешит «тихо» уйти в небытие, с единственным условием *не вспоминать*. Однако нет ничего более сопротивляющегося времени и распаду, чем человеческая память, ведомая свободой.

Чествование литературного юбилея Иванова-Разумника друзьями по ВФА состоялось 3 марта 1924 г. Поэма Конст. Эрберга «Вольфильский Юбилей», написанная буквально по следам этого события, оказалась своеобразным прощанием с Вольфилой. В финальных репликах ее героев отразилось предчувствие близящихся перемен: общее течение полноценной вольной мысли с неотвратимой неизбежностью превращалось в сотни мелеющих и высыхающих ручейков.

Евг.Ив<анов>⁹¹

и Эрб<ерг> – Куда же путь-то? – Куда кто хочет!
И этот крайний путь – в борьбе...

– Последний поезд отходит ночью?

Эрб<ерг> – Вольфильский поезд идет среди ночи,
В нем едет каждый из нас – к себе⁹².

Спустя два месяца, в мае 1924 г. «Вольная Философская Ассоциация распалась, не будучи зарегистрированной в числе разрешенных общественных организаций»⁹³. В ноябре 1924 г., подводя итоги вольной философии и Вольфиле, Иванов-Разумник писал Андрею Белому: «Пришла стихийная полоса левиафанной государственности (большевики – мелочь, случай), и надо ее пережить ряду поколений – во имя разрушения государственности. В союзе с Вельзевулом не сражаются с Люцифером (это наивно делают искренние большевики), нет, пусть оба они в союзе ведут свое дело. Настали долгие годы катакомб – не политического, а духовного подполья. «Мы, мудрецы и поэты» (Бедный Валерий Яковлевич!⁹⁴) – это слишком громко сказано; нет, все мы, просто вольные духом люди – уже в подполье, и на поколения. Когда разразилась гроза – мы вышли на вольную волю и стали (так и раньше были) – скифами; поля сузились до размеров сперва залы, потом комнаты – мы стали (всегда были!) – вольфильцами; комната суживалась, суживалась, уходила под землю – и мы, всё те же, уже в замурованном подполье. В нем и умрем, но не это важно, а то: будет ли нам смена? Не жду через поколения, – тогда-то, конечно, бу-

дет, а вот теперь, завтра, сейчас. Совсем мне не интересно, что лет через пятьдесят тогдашние скифы и вольфильцы с признательностью помянут нас (если помянут), а важно, нужно, необходимо, чтобы я сегодня видел юношу, который задумывается не над моими словами, не над моими решениями (которых нет), а над нашими вопросами»⁹⁵.

Через тридцать лет в Отечестве, которое, как известно, не милует собственных пророков, помянуть «вольфильцев» могли лишь единицы. Так, в 1953 г. Е.Лундберг, поздравляя с 80-летним юбилеем О.Форш, писал об ушедших, не имея возможности даже назвать имена: «Вспомнились мне и многие милые Ваши и мои спутники и друзья прошлых лет. Давайте помянем их – верно, мы с Вами единственные помянем их не только в России, но и во всем мире, хотя стоили они не мало... и со многих точек зрения. Во всяком случае все это были – подлинные гуманисты»⁹⁶.

Примечания

Авторская работа над проблематикой Вольной Философской Ассоциации была поддержана Российским фондом фундаментальных исследований (1994) и Российским гуманитарным научным фондом (1995-1997).

¹ Литературная группа (Андрей Белый, С.Есенин, Н.Клюев, Е.Замятин, А.Ремизов, О.Форш, Л.Шестов и др), объединившаяся вокруг двух альманахов «Скифы», под редакцией А.И.Иванчина-Писарева, Иванова-Разумника и С.Д.Мстиславского, вышедших в Петрограде в середине и конце 1917 г. Подр. см.: Hoffman S. Scythian theory and literature, 1917-1924 // Art, Society, Revolution: Russia 1917-1921. Stockholm, 1979. P.138-164; Дьякова Е.А. Христианство и революция в мирозерцании «Скифов» (1917-1919 гг.) // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. 1991. Т.50. № 5. С.414-425; Белоус В.Г. Иванов-Разумник и философские основания «скифской» идеи // Slavica Orientalis. 1995. № 3. С.363-373; Леонтьев Я.В. К истории взаимоотношений левого народничества и «скифов» // Лица. Биографический альманах. Вып.7. М.-СПб., 1996. С.446-469.

² Белый Андрей (наст. имя Бугаев Борис Николаевич; 1880-1934) – писатель-символист, философ, антропософ. См.: Белоус В.Г. Андрей Белый – председатель Вольной Философской Ассоциации (Вольфила) // Вопросы философии. 1996. № 10. С.113-122.

³ Блок Александр Александрович (1880-1921) – поэт. Об участии А.Блока в работе ВФА см.: Лавров А.В. Переписка [А.А.Блока] с Р.В.Ивановым-Разумником // Литературное наследство. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.2. М., 1981. С.380-381.

⁴ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874-1940) режиссер, актер, театральный деятель; в 1918-19 гг. возглавлял Театральный Отдел Наркомпроса, где зародилась идея Вольной Философской Ассоциации.

⁵ Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878-1939) – художник, иллюстратор альманаха «Скифы».

⁶ Сюннерберг Константин Александрович (псевд.: Конст.Эрберг; 1871-1942) – поэт, философ. См.: Белоус В.Г. Конст.Эрберг: философ-информист» (к портретам «вольфильцев») // Вопросы философии. 1994. № 5. С.101-105; Эрберг Конст. Вольфила / Публ. В.Г.Белоуса // Литературное обозрение. 1995. № 4. С.205-211.

⁷ Штейнберг Аарон Захарович (1891-1975) – философ. См.: Штейнберг А.З. Достоевский как философ / Предисл и публ. В.Г.Белоуса // Вопросы философии. 1994. № 9. С.184-196; Белоус

В.Г. О пересечении «параллельных линий»: М.М.Бахтин и А.З.Штейнберг (Штейнберг А.З. Тезисы к докладу «Время и пространство в философии истории») // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 4. С.105-108; Штейнберг А.З. Программа курса лекций по «Истории эстетических учений» / Предисл. и публ. В.Г.Белоуса // Вопросы философии. 1996. № 6. С.151-157.

⁸ Иванов Разумник Васильевич (псевд.: Иванов-Разумник; 1878-1946) – публицист, историк русской общественной мысли, литературный критик. См.: Р.В.Иванов-Разумник о Петроградской Вольфила 1921-1923 гг. / Публ. Я.В.Леонтьева / // Вопросы философии. 1993. № 12. С.69-77; Белоус В.Г., Петрицкий В.А. Вольная Философская Ассоциация («Вольфила») и ее организатор Р.В.Иванов-Разумник // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. Вып. 4(162). СПб., 1996. С.134-142; а также: Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Сборник материалов международной конференции. Царское Село. 16-17 марта 1996 г. / Ред.-сост. В.Г.Белоус. СПб., 1996; Белоус В.Г. Испытание духовным максимализмом (О мировоззрении и судьбе Р.В.Иванова-Разумника) // Литературное обозрение. 1993. № 5. С.25-37.

⁹ <Белый А.> Вольфила // Жизнь. 1922. № 1. С.174. См. также нашу републикацию: Вопросы философии. 1996. № 10. С.119-120.

¹⁰ См.: Белоус В.Г. «Скифское», или трагедия «мировоззрительного отношения» к действительности // Звезда. 1991. № 10. С.158-166.

¹¹ Белый А. Вольная Философская Ассоциация // Новая русская книга. 1922. № 1. С.32. Републиковано нами в: Вопросы философии. 1996. № 10. С.117-119.

¹² ИРЛИ. Ф.474. № 53. Л.56 (примечание к письму Иванова-Разумника от 28 ноября 1918 г.).

¹³ Письмо Иванова-Разумника К.А.Сюннербергу от 6 июня 1941 г. – ИРЛИ. Ф.840. Архив М.С.Лесмана (сообщил Ж.Шерон).

¹⁴ См. запись А.Блока от 2 мая 1918 г.: «Разумник Васильевич приедет в 6 1/2. <...> ...Из Москвы. Масса рассказов, планов, новых предложений... чтение курса лекций в «Социалистической академии общественных наук» в Москве (курс – полгода); 1000 руб. в месяц и билет 1 класса; во главе: три большевика и три левых с<оциалиста>-р<еволюционера>...» – Блок А. Записные книжки. 1901-1920. М., 1965. С.404.

¹⁵ Камю А. Творчество и свобода. Статьи, эссе, записные книжки. М., 1990. С.67.

¹⁶ См.: Временник Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. 1918. Вып. I. С.12.

¹⁷ ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. № 157. Л.8.

¹⁸ См.: ИРЛИ. Ф.474. № 513. См. также: Блок в Театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса. Документальная

хроника. Неизвестные письма и рецензия Блока / Предисл. и публ. Е.В.Ивановой // Литературное наследство. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.5. М., 1993. С.134-222; Заблоцкая А.Е. Конст.Эрберг в научно-теоретической секции ТEO Наркомпроса (1918-1919) // Минувшее. Исторический альманах. Вып.20. М.-СПб., 1996. С.389-403.

¹⁹ ИРЛИ. Ф.474. № 53.

²⁰ См.: Andrej Belyj und Rudolf Steiner Briefe und Documente // Beitrage zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe. № 89/90. Dornach, 1985. P.77-78.

²¹ Архив ФСБ (СПб.). Дело № П-53416. Т.2.

²² Там же.

²³ Примечательно, что как раз в эти дни правительственные «Известия» сигнализировали («в дискуссионном порядке») о благоприствованиям «декадентам и мистикам» со стороны Наркомпроса: «В то же самое время из Комиссариата Народного Просвещения доходят глухие вести о том, что там собираются какие-то писатели и поэты, что выбрано какое-то литературно-художественное бюро, что во главе новой революционной литературной школы кем-то опять-таки поставлен или может быть поставлен М.Горький. Заместителем его называют А.Белого. <...> Почему нужно было для духовного руководства нарождающейся пролетарской интеллигенцией создавать по назначению коллегия из декадентов и мистиков?» – Устинов В. Против течения. Духа не угашайте // Известия. 1919. 2 февраля. № 24.

²⁴ См.: Белоус В.Г. Александр Блок в «Деле левых социалистов-революционеров» (по материалам архива ФСБ (СПб.) // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. С.17-22.

²⁵ Архив ФСБ (СПб.). Дело № П-53416. Т.2.

²⁶ См.: Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С.454.

²⁷ См.: Знамя. 1920. № 5. Стлб.1.

²⁸ ИРЛИ. Ф.474. № 145. Л.15.

²⁹ Подр. см.: Иванова Е.В. Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С.3-77; а также: Фон Майдель Р. О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Блоковский сборник. Вып.ХI. Тарту, 1991. С.67-81.

³⁰ Мейер Александр Александрович (1875-1939) – философ.

³¹ Лосский Николай Онуфриевич (1870-1965) – философ. О заседании ВФА «Бог в системе органического миропонимания» см.: Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С.208-209; 327 (примечание Б.Н.Лосского); а также: Лосский Б.Н. Наша семья в пору

лихолетья 1914-1922 годов // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 12. М.-СПб., 1993. С.59-60.

³² Аскольдов (наст. фам. Алексеев; 1871-1945) – философ.

³³ Форш Ольга Дмитриевна (1873-1961) – писательница.

³⁴ См.: Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле / Публ. Е.В.Ивановой // De Visu. 1993. № 7. С.5-27, а также: Белоус В.Г. К публикации «Беседы о пролетарской культуре в Вольфиле». De Visu. 1993. №7 // De Visu. 1994. № 1/2. С.139-140.

³⁵ Пумпянский Лев Васильевич (1891-1940) – философ, литературовед. См.: Белоус В.Г. «На перекрестке»: Л.В.Пумпянский и Вольфила // Вопросы философии. 1994. № 12. С.153-157.

³⁶ Чебышев-Дмитриев Алексей Александрович (?-1942) – математик.

³⁷ Векслер Александра Лазаревна (1901-?) – заведующая канцелярией Вольфила; в 1924 г. выехала в Берлин (см. Новый журнал, 1965. Кн.83. С.183). На основании одного из ее докладов в ВФА позже была опубликована статья: «Эпопея» А.Белого. (Опыт комментария). – Современная литература. Л., 1925. С.48-75.

³⁸ Гизетти Александр Алексеевич (1888-1938) – критик, публицист.

³⁹ Гордин Яков (1897-1947) – философ. В 1923 году эмигрировал в Берлин, а в 1933-м – во Францию. См.: Gordin J. Ecrits. Le renouveau de la pensee juive en France. Paris, 1995.

⁴⁰ Каган Матвей Исаевич (1889-1937) – философ. См.: Письмо А.З.Штейнберга М.И.Кагану / Публ. Ю.М.Каган // Минувшее. Исторический альманах. Вып.20. М.-СПб., 1996. С.169-171.

⁴¹ Шпет Густав Густавович (1879-1937) – философ.

⁴² Столяров Михаил Павлович (1888-1937) – философ, помощник Андрея Белого в Совете московского отделения Вольфила; член совета московского Антропософского общества.

⁴³ Мстиславский Сергей Дмитриевич (наст.: Масловский; 1876-1943) – писатель, публицист.

⁴⁴ Бердяев Николай Александрович (1874-1948) – философ, организовал в Москве, а затем и в Берлине «Вольную академию духовной культуры». Ср. с высказыванием Белого: «У Бердяева есть еще другое О<бщест>во, председателем которого он состоит: «Академия духовной культуры» (но «Вольфила» и «Академия» – суть братские антиподы и конкуренты: «Вольфила» – нового духа, «Академия» старого). Дух Dreigliederung [тройное разделение – нем.] – дух «Вольфила». – Письмо Андрея Белого [А.А.Тургеневой от 11 ноября 1921 г.] // Воздушные пути. Альманах. Вып.V. Нью-Йорк, 1967. С.309.

⁴⁵ Гершензон Михаил Осипович (1869-1925) – историк русской общественной мысли, философ.

⁴⁶ Вышеславцев Борис Петрович (1877-1954) – философ.

⁴⁷ Читинская газета «Дальневосточный телеграф» (1921, № 79, 5.XI) объявляла, что в воскресенье 6 ноября 1921 г. на заседании Вольной Философской Ассоциации состоится открытие выставки работ «живописной культуры» художника Иосифа Левина, а также будут прочитаны два доклада: «Искусство на грани» Иосифа Левина, и «В борьбе за слово (крушение футуризма)» – В.Мечтателя. (В.Мечтатель псевдоним Вениамина Левина (1892-1953), поэта, члена ЦК партии левых эсеров, организатора Читинской ВФА – сообщил Я.В.Леонтьев).

⁴⁸ См.: Р.В.Иванов-Разумник о Петроградской Вольфиле 1921-1923 гг. // Вопросы философии. 1993. № 12. С.74.

⁴⁹ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. (1911-1928). Париж, 1991. С.57.

⁵⁰ Г<изетти А.> Вольная Философская Ассоциация // Записки Передвижного Театра П.П.Гайдебурова и Н.Ф.Скарской. Пг., 1923, № 59. С.5-6. См. также нашу републикацию с комментариями: Белоус В.Г. О Бахтине без Вольфилы и о Вольфиле без Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С.152-160.

⁵¹ ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. № 151.

⁵² См.: Белоус В.Г. Заседание «Памяти Кропоткина» в петроградской Вольной Философской Ассоциации (Вольфиле) // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. Идеи П.А.Кропоткина в философии. М., 1995. С.43-55.

⁵³ ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. № 151.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Полетаев Е., Пунин Н. Против цивилизации. Пг., 1918. С.37.

⁵⁷ Там же. С.19-20.

⁵⁸ Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С.176.

⁵⁹ Там же. С.153.

⁶⁰ Иванов-Разумник неточно цитирует здесь слова из последней строфы стихотворения С.Есенина «Песнь о хлебе»: «И свистят по всей стране, как осень, Шарлатан, убийца и злодей... Оттого что режет серп колосья, Как под горло режут лебедей». – Есенин С.А. Собр.соч. в 6 т. Т.1. М., 1977. С.177.

⁶¹ РГБ. Ф.25. Карт.16. Ед.хр.б.

⁶² ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. № 151.

⁶³ Реконструкция на основании доклада Иванова-Разумника «Проблема личности», законспектированного К.А.Сюннербергом (ИРЛИ. Ф.474. № 15).

⁶⁴ Платон. Соч. в 3-х т. Т.2. М., 1970. С.185.

⁶⁵ Иванов-Разумник. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912-1913 гг. Пб., 1922. С.119.

⁶⁶ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С.206.

⁶⁷ Булгаков С.Н. Соч. в 2-х т. Т.1. М., 1993. С.486.

⁶⁸ ИРЛИ. Ф.79. Оп.5. № 18. Л.14.

⁶⁹ Разговоры с Бахтиным // Человек. 1994. № 3. С.173-174. Об отношении М.М.Бахтина к Вольфиле см. нашу статью: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С.143-160.

⁷⁰ Ср.: «Зато позабавил нас всех <...> официальный идеологический агитатор, доктор Шапиро, у которого недоумение переходило в негодование: как же, ведь он пришел слушать лекцию о Боге в системе «материалистического» миропонимания и что же услышал? Но тут же услышал от слушателей поправку: «органического», конечно, не дошедшую до его явно посредственного понимания, и пошел нести ерунду, вроде «что же до пресловутой любви к ближнему, разве вы проявите ее, смотря на волка, попавшего под поезд?» Следом за этим и подобными высказываниями по залу стали пробегать волны смеха, что привело незадачливого оратора к печальному заключительному заявлению, смысл которого был: «Товарищи, я говорил во многих собраниях и еще нигде меня не держали за дурака». – Лосский Б.Н. Наша семья в пору лихолетья 1914-1922 годов // Минувшее. Исторический альманах. Вып.12. С.59-60. Упомянутый «доктор Шапиро» – вероятно, Шапиро Бернард Маркович (1859 – ?) – фармаколог, специалист по вегетарианству.

⁷¹ Цит. по: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С.150-151. Голлербах Эрих Федорович (1895-1942) – искусствовед, литературовед.

⁷² Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.478. Ср. также с поздравительным письмом в ВФА от 30 апреля 1921 г., подписанным «преданная Вольфилка», где говорилось: «Вольфила была и, конечно, будет той живой водой, которая в самое тяжелое время может вернуть желание жить, может влить какую-то силу, стремления и что-то такое, что не скажешь словами». – ИРЛИ. Ф.79. Оп.4. № 219. Л.1.

⁷³ Пинес Дмитрий Михайлович (1891-1937) – историк литературы, библиограф, в 1922-1924 гг. секретарь ВФА. О его роли в деятельности Ассоциации см.: Гаген-Торн Н.И. Вольфила: Вольно-Философская Ассоциация в Ленинграде в 1920-1922 гг. // Вопросы философии. 1990. № 4. С.88-104.

⁷⁴ На документе сохранилась помета Иванова-Разумника: «Д.П. – Дмитрий Михайлович Пинес. А.Л.В. – Шура, Александра Лазаревна Векслер. Нина – Нина Ивановна Гаген-Торн. Чебышев – Алексей Александрович Чебышев-Дмитриев». – ИРЛИ. Ф.79. Оп.4. № 130. Гаген-Торн Нина Ивановна (1900-1986) – этнограф, поэт.

⁷⁵ В этом разделе используются материалы, относящиеся

к хронике берлинской Вольфила. Подготовлены к печати совместно с Е.Р.Обатниной.

⁷⁶ См.: Русский Берлин. 1921-1923. По материалам архива Б.И.Николаевского в Гуверовском институте / Под ред. Л.Флейшмана, Р.Хьюз и О.Раевской-Хьюз. Париж, 1983.

⁷⁷ Ремизов А. Учитель музыки. Каторжная идиллия / Подг. текста, вст.ст. и примеч. А.д'Амелия. Paris, 1983. С.358.

⁷⁸ Белый А. Символизм как миропонимание. С.481.

⁷⁹ Шрейдер Александр Абрамович (? – 1930) – журналист, левый эсер, организатор берлинского издательства «Скифы» (совместно с Е.Г.Лундбергом), редактор левоэсеровского журнала «Знамя».

⁸⁰ Браун Федор Александрович (1862-1942) – историк и филолог, автор учебного курса «Всеобщая литература».

⁸¹ Яценко Александр Семенович (1877-1934) – юрист, библиограф, издатель берлинских журналов «Русская книга» (1921) и «Новая русская книга» (1922-1923).

⁸² Минский (наст. фам. Виленкин) Николай Максимович (1855-1937) – поэт, философ, переводчик.

⁸³ Речь идет о разрыве отношений между Белым и его женой А.Н.Тургеневой.

⁸⁴ Имеется в виду шумный скандал вокруг издательства «Скифы», где в 1920 г. была отпечатана брошюра Л.Шестова «Что такое большевизм», но год спустя практически весь ее тираж был уничтожен одним из руководителей издательства – Е.Лундбергом. Лев Шестов (наст. Шварцман Лев Исаакович; 1866-1938) – философ; числился одним из учредителей петроградской ВФА, однако реального участия в ее создании и работе не принимал.

⁸⁵ РГАЛИ. Ф.1782. № 13. Л.1-3 об.

⁸⁶ Подр. см.: Обатнина Е. «Обезьянья Великая и Вольная Палата»: игра и ее парадигмы // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С.185-217.

⁸⁷ ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. № 151.

⁸⁸ См.: Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки («По тюрьмам на родине») / Публ. В.Г.Белоуса // Мера. 1994. № 1. С.146-191; № 2. С.152-210; № 4. С.164-191; 1995. № 1. С.200-292.

⁸⁹ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С.110.

⁹⁰ Большая советская энциклопедия. Т.13. М., 1929. С.48. Ср. также: «...На деле Вольфила оказалась пристанищем для реакционных и воинствующих идеологов разгромленных классов, для которых пропаганда идеалистической философии служила удобной формой борьбы с Социалистической революцией, с марксизмом, с советской властью. ...Вольфила превратилась в своего рода идеологическую цитадель «внутренней эмиграции». – Орлов Вл. История одной «дружбы-вражды» // Александр Блок – Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С.ЛХ.

⁹¹ Иванов Евгений Павлович (1879-1942) – член Петербургского Религиозно-Философского общества, активный участник заседаний Вольфины с 1923 г.

⁹² ИРЛИ, ф.474, № 48, л.44 об.-49.

⁹³ ИРЛИ. Ф.474. № 648. Сохранился проект Устава Вольной Философской Ассоциации 1924 г. с пометой Д.М.Пинеса: «Последний устав Вольфины, уже не зарегистрированный! 1924» (ИРЛИ. Ф.79. Оп.5. № 12. Л.9об.). «Не помог» даже пункт 19-ый новоизмененного документа, где говорилось: «О составе избранного Совета <ВФА> и о всех происходящих в нем изменениях сообщается соответствующему органу НКВД» (там же, л.8об.).

⁹⁴ В.Я.Брюсов скончался 9 октября 1924 года.

⁹⁵ РГБ. Ф.25. Карт.16. Ед.хр.6

⁹⁶ ИРЛИ. Ф.732. Оп.1. № 328. Л.13.

Сдано в набор: 26.02.97. Подписано в печать: 14.03.97.
Уч.-издл. - 2,12. Печ. л. - 2,5. Бум. офсет. Печ. офсет. Тираж 5000 экз.

Мытищинская межрайонная типография Зак. 2188

ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА
В РОССИИ

ИНСТИТУТ

ОТКРЫТОЕ
ОБЩЕСТВО

Программа "Высшее образование" – 1997

Ставя своей целью *распространение и утверждение знаний, норм и ценностей открытого общества*, Программа направляет свою деятельность на:

содержательное и методическое обновление преподавания гуманитарных и социальных наук (истории, культурологии, литературоведения, лингвистики, педагогики и психологии, политологии, права, социологии, философии, экономики) в вузах и средних специальных учебных заведениях;

содействие формированию высокопрофессионального, гуманистически и демократически ориентированного академического сообщества.

Институт "Открытое общество"

Представительство в Российской Федерации:

107078, Москва, Большой Козловский пер., 13/17.

Тел. (7 095) 921-2065

Издательство МАГИСТР